

Статья опубликована в: Информационный Вестник Форума русистов Украины. – Вып.14: Русский язык и Русский мир в современном гуманитарном пространстве. – Симферополь, 2011. – С.16-23.

В.Б. Мусий (Одесса)

Профессор Императорского Новороссийского (Одесского) университета Василий Михайлович Мочульский (1856-1920) о мифологических народных верованиях и мифопоэтике художественного произведения

Василий Михайлович Мочульский родился 1 января 1856 г. в Херсонской губернии, в семье священника. В 1875 г. он поступил в Новороссийский университет. Являясь студентом третьего курса историко-филологического факультета, он проявил серьезный интерес к славистике; его сочинение «Язык прибалтийских славян по средневековым грамотам и летописям» было отмечено серебряной медалью. После завершения учебы в 1878 году он служил преподавателем русского языка, славянских языков, литературы, логики в средних учебных заведениях. С 1889 года В.М.Мочульский - приват-доцент кафедры российской словесности и языка историко-филологического факультета Новороссийского университета.

Его диссертация «Историко-литературный анализ стиха о Голубиной книге» (защищена в 1889 г. в Харькове) была отмечена премией Императорской Академии наук. Тема докторской диссертации В.М. Мочульского - «Следы народной Библии в славянской и древнерусской письменности». Этот труд был опубликован в 1893 г. в Одессе.

Ведущим направлением деятельности ученых-филологов Новороссийского университета была медиевистика. Большая часть трудов В.М. Мочульского отражает именно это направление в науке. В середине

90-х-начале 900-х гг. он публикует такие работы: «Апокрифическое сказание о создании мира» (1896), «Апокрифическое житие апостола Петра». Ряд трудов В.М. Мочульского был опубликован в Варшаве. Это «Житие св. Варипсавы» (1835), «Историко-литературный анализ стиха о Голубиной книге» (1887). Но большая часть научных работ В.М. Мочульского публикуется в Одессе. Здесь выходят его «К истории малорусского наречия. Житие св. Савы, освященного по пергаментной рукописи XVIII в.» (1894), «Слово Иоанна Златоустого о Святой неделе и о божественной литургии» (1903).

В основном труды В.М. Мочульского - это исследования в области сравнительно-исторического литературоведения и истории языка. Среди них - «Происхождение «Физиолога» и его начальные судьбы в литературах Востока и Запада» (Варшава, 1889), «Греческие списки так называемой «Беседы 3-х святителей» (Варшава, 1901), «Слова и поучения, направленные против языческих верований и обрядов. К бытовой истории болгар» (1903). Как видно из перечня работ, одним из аспектов, привлекавших более пристальное внимание ученого при анализе средневековых текстов, было выражение в них мифологизма мировосприятия человека. Причем, это касалось как языческих верований, так и всего того, что представляло Библейскую мифологию.

Так, в 1903 году он публикует работу «Татарские народные поверия и соответствующие им параллели в сказаниях других народов». Это был комментарий к тем материалам, которые собрал член Одесского общества исторических древностей Е. Шевелев. Отдельные разделы названной работы Мочульского посвящены типологическому изучению сказаний о первых людях, о происхождении чертей, о падающих звездах, о Страшном суде, о заговорах от сглаза и природе мифологических верований в «дурной» глаз. Серьезный интерес для всех, кто изучает мифологию древних славян,

представляет работа В.М. Мочульского «О мнимом дуализме в мифологии славян» (1889). Она посвящена А.И. Кирпичникову, профессору Новороссийского университета, ряд исследований которого также представляет собой анализ особенностей мифологических верований. В качестве мотивировки серьезности этого интереса приведем наблюдения, изложенные А. И. Кирпичниковым в «Этнографическом обозрении» за 1894 год, относительно того, что в первой половине XIX века «небогатое дворянство и чиновничество всецело разделяло народные воззрения в самой архаичной форме их» [1, с. 12]. Различие между интеллигенцией и простым народом заключалось, по его мнению, лишь в том, что у людей из народа миф по форме был «более простым, некрасиво обставленным, будто первобытным» [1, с. 35].

Позиция В.М. Мочульского относительно наличия дуализма в мифологических верованиях славян обозначена уже в наименовании его исследования. Речь идет о его «мнимости». Исходным для ученого было разделение так называемого «физического» дуализма, свойственного самым ранним ступеням развития мифологии, и такого явления, которое традиционно обозначается учеными, как двоеверие славян, связанное с особенностями усвоения ими христианства.

Относительно физического дуализма В.М. Мочульский писал следующее. Древние религиозно-спекулятивные воззрения начинаются с определения характера происхождения света. Обыкновенно при этом все выводится из единого основного начала. И только впоследствии из первоначального монотеизма развивается политеизм. На этой ступени развития каждой натурмифологии в ней замечается особого рода дуализм, заключающийся в признании противоположного воздействия на человека одной и той же силы природы, а также переживания и олицетворения человеком естественной смены явлений природы как результата борьбы в

ней полярных существ. Подобный физический дуализм, хотя и составляет необходимый психический момент в развитии первоначальных мифологических представлений, не проникает глубоко в формируемую картину мира, «скользит по поверхности» [3, с.1]. Но по мере постепенного ознакомления с видимым миром у первобытного человека складывалось представление о благодетельности светлого начала, его господстве над противоположным темным. После этого все помыслы человека устремляются к началу света. И хотя он в своих мифах периодически и возвращается к переживанию борьбы «светлых» и «темных» сил (существ), уже не допускает их равенства, а, напротив, всячески подчеркивает преобладание света. Следовательно, физический дуализм сам собою стусевывается. Такая стусевка характерна для мифологий всех этносов.

Примеры подобного процесса В. Мочульский находит в мифологии персов, где выражено представление о господстве все ведающего Аурамазда, в греческой мифологии. В космогонии и теогонии греков, отмечает ученый, сохранилось только воспоминание о противостоянии света и тьмы. Конец борьбы гигантов и титанов означал окончание организации мира, окончательную победу светлого, космического, нравственного над грубой неупорядоченностью Хаоса. Это смутное воспоминание о борьбе двух сил представлено у греков как переживание чего-то давно минувшего.

Что же касается славянских мифологий, то в них проявляется не физический дуализм, а соединение языческих и христианских верований. «Изменяя, - пишет В.М. Мочульский, - имена, подставляя одно вместо другого, народ в большинстве случаев не изменял сущности дела, а, заменяя солнечного бога «Солнцем Правды», а также, перенося атрибуты громовника на Святого Илию, на них перенес он свои языческие думы, около них сосредоточил свои языческие обряды и песни, словом, на них смотрел сквозь свою язычески-народную призму, их облек в языческую одежду [3, с.52].

В контексте этих размышлений В.М. Мочульский решал и вопрос о характере западнославянских Чернобога и Белобога. Единственным автором, указавшим на оппозицию этих богов, пишет исследователь, является Гельмольд (текст XII века «Славянская хроника»). Но речь, по мнению В.М. Мочульского, не должна идти об отдельном божестве, поскольку его имя представляет собой глоссу к слову «дьявол». Таким образом, Чернобог - всего лишь более наглядное для славян обозначение Библейского дьявола. В связи с этим В.М. Мочульский не видел оснований считать упоминания о Белобоге и Чернобоге проявлением первоначального примитивного дуализма верований славян. С его точки зрения, упоминание о них - результат более позднего этапа развития мифологических верований. После принятия христианства наступил «двоеверный период» [3, с.37], как необходимый этап в развитии славянской модели мира. Все больше утверждаясь в христианских ценностях, славяне (а речь идет преимущественно о западных славянах) неизбежно усваивали представление о противостоянии Божественной силы дьяволу, с которым теперь отождествлялось нехристианское, языческое. Таким образом, прежние языческие боги приобретали в их воображении все более «чувственно-страшный» облик, представлялись как источник несчастий, зла и бедствий.

Труды профессора В.М. Мочульского свидетельствуют о том, что он был специалистом и в области нового типа литературы. Им опубликован целый ряд работ, связанных с литературным процессом XVIII века. Среди них - «Комические оперетты XVIII в.» (Одесса, 1911), «Ломоносов как драматург» (Варшава, 1911), «Новиковские журналы XVIII века «Трутенъ» и «Живописец (1776-1772)» (Варшава, 1909). В конце 10-х гг. XX в. ученый читал в Одессе курс лекций по истории литературы этого периода, о чем свидетельствуют опубликованные им в 1910 году «Лекции по русской

литературе XVIII века, читанные в Новороссийском университете 1909-1910 гг.».

Пожалуй, наиболее часто он обращался к личности и творчеству Николая Васильевича Гоголя. Так, в 1902 году он публикует исследование «Малороссийские и петербургские повести Н.В. Гоголя (К истории художественного творчества)». В центре внимания автора – эволюция художественной манеры писателя, развитие его художественного таланта. Как из художника-этнографа по преимуществу Гоголь постепенно превращался в художника социально-общественного, развивавшего в себе постепенно дар психологически-проникновенно представлять жизнь – это, пожалуй, главный вопрос, на который он постарался ответить.

Обратившись к ранним произведениям Н.В. Гоголя, В.М. Мочульский выделяет в них следы «свежего, точного внимания» с юности, и, как результат, богатый запас впечатлений. Ведущим приемом, объединяющим «Сорочинскую ярмарку», «Вечер накануне Ивана Купала», «Ночь перед рождеством», «Пропавшую грамоту», он считал то, что в бытовую рамку, «канву», взятую из малороссийской жизни, Гоголем был вплетен фантастический рассказ, взятый из народных поверий, сказаний и легенд. Фантастика стала «органическим ингредиентом», способствующим дальнейшему движению рассказа, придавала ему особый интерес и оживление, помогала раскрыть психику действующих лиц и тем самым – реализовать конечную цель рассказа [4, с.4]. В качестве примера В.М. Мочульский рассматривает эпизод продажи Черевиком кобылы и пишет, что фантастический элемент был необходим Гоголю, чтобы «посеять смуту в душевный мир Солопия и Хиври, и тем самым рельефнее очертить обе фигуры» [4, с.5].

Подводя итог изучению «Вечеров на хуторе близ Диканьки», В.М. Мочульский пишет, что Гоголь является в них натуралистом

бытописателем, описывавшим жизнь Малороссии, опираясь на собственные наблюдения, а также материалы, которые получал от матери, других своих корреспондентов. Мифологическая фантастика, включенная им в повести, помогла дать всестороннюю характеристику народного мирозерцания. Гоголю удалось дать не только яркие картины Украины, быта малороссиян со всем их разгулом и весельем, но и передать тонкости душевной жизни простых людей. Такое глубокое проникновение в духовную жизнь народа тем знаменательнее, что в эти годы мало кто из писателей интересовался народом. Доказательство – реакция современной Гоголю критики, которая закрепила за его ранними произведениями репутацию «побасенок». И более поздняя критика, подчеркивает В.М. Мочульский в книге «Малороссийские и петербургские повести Н.В. Гоголя (К истории художественного творчества)», не умея отрешиться от взгляда на устную народную прозу как на развлечение, находила в повестях Гоголя из народной жизни лишь забавные рассказы. Что же касается Гоголя, как автора «Вечеров на хуторе близ Диканьки», то он понимал, что для народа мифологические предания составляли значительную часть представлений о мире, нравственного бытия. С принятием христианства он не умерли для людей из народа, соединившись с христианскими легендами. Легенды Печерской лавры были той святыней, которую знали и сохраняли в своей памяти запорожцы. Как святые боролись с дьяволом и чертями, так и козаки защищали свою землю от врагов ее. Опираясь на народные предания и легенды, Гоголь постепенно проникал в народную душу и за сравнительно короткий период времени достиг высокого уровня психологического мастерства. Этим была ознаменована и дальнейшая его писательская деятельность [4, с.13], уже как автора повестей из жизни обитателей Петербурга.

В основу повести «Шинель» положен анекдот о бедном канцелярском чиновнике, имевшем «страстишку» и приобретшем ценой величайших

ограничений и страданий дорогое лепажевское ружье, которое во время первой же охоты и утратил. Гоголь принципиальным образом переделал этот сюжет, изменил его смысл и значение. Его герой, бедный чиновник Башмачкин, в силу сложившихся для него враждебно обстоятельств, кажется, совершенно был лишен всех человеческих страстей и интересов. Но все же, как ни старалась «злодейка-судьба» вытравить из него все человеческое, на дне души Акакия Акакиевича таилось живое, «искра Божья». Оно и воплотилось в его идее шинели, которая приковала все его интересы, оживила и согрела его, придала ему не только внешний, но и нравственный облик человека. Но все же частица человеческого была настолько мала, что так же легко, как она проявилась, так легко и угасла. Вместе с потерянным интересом отнималась и самая жизнь.

Фантастический элемент в этой повести составляют те страхи и привидения, которые являются фантазией человека как результат его нечистой совести, наказание за все преступления, ту черствость, которую проявляет человек к своему ближнему, маскируя все это светскостью.

Фантастика в «Носе» - это не нелепость, а художественный прием. В этом сверхъестественном отделении носа и приурочении ему всего того, о чем мечтал майор Ковалев, прекрасно очерчено душевное состояние героя, который при всей своей пустоте носился с мечтами, далеко превышающими его человеческую ценность, и так назойливо его преследующими, что довели его до галлюцинаций.

Так, прослеживая особенности фантастики в произведениях Гоголя, В.М. Мочульский смог выявить основной вектор развития его художественной манеры, его художественного психологизма.

9 января 1903 года, находясь в Одессе, он пишет статью «Авторская исповедь» Н.В.Гоголя» и публикует ее в выпуске «Филологических записок» за этот же год. Позже статья выходит отдельным изданием. Начинает он ее с

оценки названия этого публичного выступления Гоголя и пишет: «Такое заглавие я не считаю вполне точным и вполне правильным. Сам Гоголь собственную исповедь признавал «Переписку с друзьями» (в статье Мочульского название «Выбранных мест из переписки с друзьями иногда сокращенно передается, как, к примеру, и в этом случае), что было более уместно, так как эти письма предназначались и близким друзьям, не вынуждавшим, но располагавшим к интимным излияниям сердца и души. Таким образом, и здесь это название уместно лишь в смысле интимности сердечных излияний, но не в смысле исповедания своих литературных грехов». Далее В.Н.Мочульский приводит точку зрения академика Н.С.Тихонравова, определившего «Авторскую исповедь» как апологию «Выбранных мест». Но и эта точка зрения не принимается ученым. «Авторская исповедь», пишет он, не заключает в себе апологии мыслей и взглядов, выраженных в «Переписке с друзьями», хотя, уточняет он, «не чужда апологии личной против обвинений и упреков, которые вызваны были» этой книгой [2, с.1–2]. В конечном итоге профессор Мочульский приходит к следующему выводу относительно заглавия статьи Гоголя: «Статья, озаглавленная «Авторская исповедь», есть вынужденная «повесть авторства», направленная скорее к личной защите и ожиданию, чем к чистосердечному исповеданию своих вольных и невольных грехов. Таким образом, с данной статьей связаны не внутренние, нравственные вопросы ..., не вопросы о правде его смирения, чистоте намерений, сердечности чувствований и стремления к добру, а вопросы внешние и притом литературного характера, а именно: правильны ли, или ошибочны мысли и воззрения Гоголя на свою литературную деятельность, и не примешалось ли к его точке зрения на собственную деятельность чье-либо постороннего и случайного от вынужденной роли защитника (...). ...насколько

удовлетворителен ответ Гоголя на запрос читателей об измене своему прежнему направлению» [2, с.2].

Работы В.М. Мочульского о новой литературе - это не только публикации о Пушкине и Гоголе, но и анализ произведений писателей его современников - Л.Н.Толстого, А.П.Чехова. Так, в частности, в 1909 году в Варшаве выходит его работа «Н.Г.Чернышевский и Л.Н.Толстой об искусстве». Предметом его преподавательской деятельности была русская литература 50 – 60-х годов XIX века. В 1909 г. в Одессе публикуется его «Русская литература 50-60-х гг. Лекции, читанные в Императорском Новороссийском университете 1908-1909 гг.».

Перечень трудов профессора Мочульского убеждает в том, что он исследовал закономерности литературного процесса, глубоко изучив как средневековый, так и новый и новейший для него типы литературы. И не только литературы. В 1906 г. выходит его работа «Смена принципов в русской критике», в эти же годы - «К истории журналистики 18 века». Мочульский проявляет себя активным участником культурной (его рецензии на новейшие произведения литературы и драматургии) и научной жизни (его отзывы на диссертации, научные труды).

Судьба профессора Василия Михайловича Мочульского - отражает многогранность личности, проявившей себя разносторонне: и в области изучения народных верований, и в медиевистике, и в истории русской литературы, и в вопросах методики ее изучения. И, как результат, тот высокий статус науки, который был свойственен Новороссийскому университету с момента его основания и к которому с гордостью относятся его нынешние преподаватели.

Литература

1. Кирпичников А.И. Очерки по мифологии XIX века. (Из «Этнографического обозрения», кн.23) / Кирпичников А.И. –

М.: Высочайше утвержденное товарищество скоропечати
А.А. Левинсон. Петровка, дом Левинсон, 1894 – 42 с.

2. Мочульский В.Н. «Авторская исповедь» Н.В.Гоголя. – Воронеж: Типография В.Н.Исаева, 1903. – 20 с.
3. Мочульский В. О мнимом дуализме в мифологии славян. Посвящается А.И. Кирпичникову. Отдельный оттиск из «Русского Филологического Вестника». – Варшава: В типографии Марии Земкевич. Краковское предместье, 1889. – 52 с.
4. Мочульский В.М. Малороссийские и петербургские повести Н.В. Гоголя. (К истории художественного творчества). – Одесса: «Экономическая» типография, 1902. – 20 с.